

Интегративно-уровневая модель модальности в военном юридическом дискурсе: механизмы взаимодействия языковых и институциональных факторов (на материале НПА РФ и США)

Н. В. Малкова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

ул. Большая Садовая, д. 14, стр. 1, 123001, Москва, Россия. E-mail: malkova_n_v@mail.ru

Статья посвящена разработке и эмпирической апробации интегративно-уровневой модели анализа модальности в военном юридическом дискурсе. Данная сфера характеризуется критической важностью лингвистической точности, поскольку интерпретационная неоднозначность нормативных правовых актов (НПА) является не просто теоретической проблемой, а фактором, способным привести к серьезным оперативным и правовым последствиям. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью комплексных моделей, объясняющих системное взаимодействие разноуровневых факторов (лексико-грамматических, жанровых, дискурсивных, эвиденциальных) при формировании и интерпретации модальных значений в военных НПА. В статье предложена четырехуровневая модель, преодолевающая фрагментарность существующих подходов. Особое внимание уделяется операционализации понятия имплицитной эвиденциальности – прагматического механизма легитимации нормы через ссылку на авторитет – как фактора, модулирующего иллокутивную силу. Методология включает корпусный анализ (125 тыс. словоупотреблений, НПА РФ и США), методы дискурс-анализа с оценкой надежности кодирования. Эмпирически подтверждено, что интерпретация модальности является эмерджентным свойством дискурса. Установлены статистически значимые различия в силе и частотности модальных маркеров в зависимости от жанра НПА и юрисдикции, сильная положительная корреляция между имплицитной эвиденциальностью и иллокутивной силой, а также системные различия в стратегиях кодирования модальности в НПА РФ и США, связанные с культурно-правовыми традициями. Результаты вносят вклад в теорию модальности, юрислингвистику и дискурс-анализ, предлагая теоретически обоснованный инструментарий для анализа институциональных дискурсов и сравнительного изучения их модальной окраски.

Ключевые слова: военный юридический дискурс, модальность, интегративная лингвистика, эвиденциальность, сравнительное правоведение.

Integrative Level Model of Modality in Military Legal Discourse: Interaction Mechanisms of Linguistic and Institutional Factors (Case Study of Russian and US Normative Legal Acts)

N. V. Malkova

*Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Defense Ministry of the Russian Federation
14/1 Bol'shaya Sadovaya Str., 123001, Moscow, Russia. E-mail: malkova_n_v@mail.ru*

This article develops and empirically tests an integrative-level model for analyzing modality in military legal discourse. Linguistic precision in this domain is not merely a theoretical desideratum but a critical factor, as interpretative ambiguity in normative legal acts (NLAs) can lead to severe operational and legal consequences. The study's relevance stems from the lack of comprehensive models explaining the systemic interaction of multilevel factors (lexico-grammatical, genre, discursive, evidential) in shaping modal meanings within military NLAs. The paper proposes a four-level model to overcome the fragmentary nature of existing approaches. Special attention is given to operationalizing implicit evidentiality – understood here as a pragmatic mechanism of norm legitimation via reference to authority – as a factor modulating illocutionary force. The methodology incorporates corpus analysis (125,000 tokens, Russian and US NLAs), discourse analysis methods with reliability assessment. Empirical results confirm that modality interpretation is an emergent property of discourse. Statistically significant differences in modal strength and frequency across NLA genres and jurisdictions, a strong positive correlation between implicit evidentiality and perceived illocutionary force, and systemic

contrasts in Russian vs. US modal coding strategies, linked to legal traditions, are established. The findings contribute to modality theory, legal linguistics, and discourse analysis, offering a theoretically grounded toolkit for analyzing institutional discourses and comparative study of their modal coloring.

Key words: military legal discourse, modality, integrative linguistics, evidentiality, comparative law.

Военный юридический дискурс функционирует на стыке права, власти и языка, представляя собой уникальную сферу, где нормативные правовые акты (НПА) – приказы, директивы, уставы – служат инструментами прямого управления действиями. Лингвистическая точность здесь не просто желательное качество, а императив для обеспечения оперативной безопасности и правовой определенности. Неверное толкование модальных значений долженствования, возможности и запрета [NATO JALLC 2017: 3] способно привести к серьезным, порой необратимым последствиям, включая срыв выполнения боевых задач или неправомерное применение силы. Приведем несколько иллюстративных кейсов, подчеркивающих остроту проблемы:

- *Кейс 1:* Неправильная интерпретация маркера *should* (который может переводиться и как *следует*, и как *должен*) в документах совместных операций НАТО, особенно при переводе, чревата рассогласованием действий. Одна сторона может воспринять указание как рекомендацию (ожидаемое, но не строго обязательное действие), а другая – как безусловное предписание, что критично при синхронизации маневров или выполнении задач с высокой степенью риска.

- *Кейс 2:* Различное понимание иллокутивной силы глагола *должен* в тексте приказа в Вооруженных Силах РФ может стать основанием для судебных разбирательств при оспаривании действий военнослужащего или дисциплинарных взысканий. Такая ситуация возникает, если подчиненный интерпретировал формулировку как описание стандартной процедуры (например, «*при убытии в отпуск военнослужащий должен сдать оружие*» – как описание обычной практики), а командование – как безусловное требование, нарушение которого является проступком.

Директивные речевые акты [Searle 1969: 54–57], составляющие ядро данного дискурса, во многом черпают свою иллокутивную силу из модальных конструкций. Несмотря на обширные исследования модальности в общем языкознании [Palmer 2001: 70–74; Nuyts 2006: 40–45] и ее изучение в юридическом дискурсе в целом [Trosborg 1995: 32–34; Hiltunen 1990: 15–18; Gotti 2005; Bolander 2017; Петрова Е. С. 2018: 25–28], специфика функционирования модальности именно в военных НПА, особенно в сравнительном аспекте, остается недостаточно изученной [Петрова А. В. 2019; Сидорова 2020; Кузнецова 2021]. Это создает научную лауну, которую и призвано заполнить настоящее исследование.

Критический обзор существующих подходов и обоснование необходимости интегративной модели
Классические работы по модальности, такие как фундаментальный труд Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988: 18], где модальность рассматривается как категория, которая *"пронизывает всю ткань языка, выражая отношение говорящего к содержанию высказывания и его коммуникативной цели"*, теория функционально–семантических полей А. В. Бондарко [Бондарко 1990: 215], в рамках которой *"деонтическая модальность образует ядро функционально–семантического поля долженствования, где взаимодействуют грамматические и лексические средства выражения"*, и исследования прагматического аспекта Е. М. Вольф [Вольф 1985: 76], показывающие, что *"сила модального значения определяется не только словарным значением маркера, но и прагматическими факторами коммуникативной ситуации"*, а также более поздние обобщающие труды зарубежных лингвистов [Palmer 2001; Nuyts 2006] заложили фундаментальную теоретическую базу для понимания семантики и прагматики модальных выражений. Однако их фокус на общих закономерностях языка или отдельных семантических категориях требует существенной адаптации и расширения применительно к узкоспециализированным институциональным дискурсам [Fairclough 2003: 121–124], где значение формируется под мощным влиянием экстралингвистического, в том числе институционального, контекста.

Исследования модальности в юридическом дискурсе [Trosborg 1995; Hiltunen 1990; Gotti 2005; Bolander 2017; Петрова Е. С. 2018] справедливо обратили внимание на прагматические функции модальных маркеров. Например, А. М. Боландер [Bolander 2017: 80–83] в своей модели учитывает эвиденциальность и иллокуцию как важные компоненты модального значения в правовых текстах. Тем не менее, существующие подходы часто остаются «фрагментарными» [Bhatia 2017: 15–17], особенно применительно к специфике военного юридического дискурса. Во–первых, анализ нередко концентрируется на отдельных лексических маркерах (например, *must, shall, may, обязан, должен, можем*), упуская из виду их системное взаимодействие и кумулятивный эффект. Во–вторых, влияние жанровых конвенций [Bhatia 2017: 35–38], хотя и признается, не всегда операционализируется как системный модулятор семантики и прагматики модальных маркеров. В–третьих, роль авторитета источника и механизмов легитимации правовой нормы недостаточно эксплицирована как лингвистически релевантный фактор, влияющий на интерпретацию модальности. Именно эти проблемы призвана преодолеть предлагаемая интегративно–уровневая модель.

Отличие предлагаемой модели

Настоящее исследование предлагает интегративно–уровневую модель, преодолевающую указанные ограничения. Ключевое отличие нашей модели заключается в фокусе на динамическом взаимодействии языковых форм и институциональных факторов, рассматриваемых как единая система. Модель интегрирует жанр [Bhatia 2017] и эвиденциальность не просто как фоновые условия, а как активные компоненты механизма формирования и интерпретации модального значения. В данной работе имплицитная эвиденциальность операционализируется не в классическом лингвистическом смысле как маркер источника информации говорящего (ср. [Aikhenvald 2004: 48–51], где описываются грамматические маркеры типа *видел сам, слышал от других*), а как прагматический механизм легитимации предписания через эксплицитную или имплицитную апелляцию к авторитету (вышестоящему НПА, закону, уставу, доктринальному положению и т. д.). Такая эвиденциальная поддержка, по нашему мнению, напрямую усиливает

иллокутивную силу предписания. В отличие от классической (или семантической) эвиденциальности, указывающей на то, *откуда автор текста знает информацию*, имплицитная (или прагматическая / институциональная) эвиденциальность в предлагаемом понимании указывает на то, *на каком основании данное предписание имеет силу* (на основании закона X, приказа Y, устава Z).

Модель А. М. Боландер, хотя и продуктивно учитывает эвиденциальность [Bolander 2017: 80–83], не предлагает столь детализированной четырехуровневой структуры взаимодействия факторов, специфичной для военного контекста и его повышенных требований к однозначности. Модель В. К. Бхатиа фокусируется на жанре [Bhatia 2017: 35–38] как ключевом элементе анализа профессиональных дискурсов, но не интегрирует его взаимодействие с другими уровнями (особенно с операционализированной нами имплицитной эвиденциальностью) для объяснения именно вариативности и силы модальных значений. Предлагаемая модель стремится синтезировать эти аспекты, предлагая более холистический и системный взгляд. Целью настоящего исследования является разработка и эмпирическая апробация такой интегративно–уровневой модели модальности, способной объяснить механизмы формирования и интерпретации модальных значений в НПА военного юридического дискурса России и США, а также выявить и сопоставить специфику модальной окраски военных НПА в российской и американской правовых и языковых традициях. Ключевые исследовательские вопросы:

1. Каковы механизмы системного взаимодействия лексико–грамматических, жанровых, дискурсивных и эвиденциальных факторов при формировании и интерпретации модального значения в военных НПА РФ и США?
2. Какую роль играет имплицитная эвиденциальность (как механизм легитимации) в модуляции деонтической силы предписаний и как этот механизм операционализируется в текстах НПА?
3. Существуют ли системные, статистически значимые различия в стратегиях кодирования и прагматической интерпретации модальности (включая общую модальную окраску текстов) в российском и американском военном юридическом дискурсе, и как эти различия могут быть соотнесены с языковыми и культурно–правовыми особенностями двух стран?

Основная гипотеза исследования: Интерпретация модальности в военном юридическом дискурсе является эмерджентным свойством, возникающим в результате сложного, динамического и нелинейного взаимодействия (синергии и модуляции) факторов четырех взаимосвязанных уровней: лексико–грамматического, жанрового, дискурсивного и эвиденциального. Предполагается, что конгруэнтность сигналов с разных уровней (например, сильный лексический маркер типа *обязан* (Y1) в НПА жанра приказа (Y2), подкрепленный прямой ссылкой на устав (Y4) и не ослабленный локальным дискурсивным контекстом (Y3)), ведет к максимальной деонтической силе и интерпретационной однозначности. Напротив, дисконгруэнтность этих сигналов (например, слабый маркер в сильном жанре без явной эвиденциальной поддержки) порождает потенциал для неоднозначности и вариативности интерпретаций.

Научная новизна исследования состоит в:

- предложении оригинальной четырехуровневой интегративной модели анализа модальности в военном юридическом дискурсе, учитывающей взаимовлияние факторов различной природы;
- введении и операционализации понятия имплицитной эвиденциальности как прагматического механизма легитимации нормы и модуляции иллокутивной силы в институциональном дискурсе;
- получении новых эмпирических данных о функционировании модальности и формировании модальной окраски текстов в НПА РФ и США на основе корпусного анализа и их сопоставительном анализе;
- междисциплинарном подходе, интегрирующем достижения теоретической лингвистики (в частности, теории модальности и эвиденциальности [McEnery, Hardie 2011: 10–13]), юрислингвистики, дискурс–анализа и корпусных методов.

Основной вклад в науку заключается в разработке теоретически обоснованного и эмпирически апробированного инструментария для более точного, системного и контекстуально–чувствительного анализа и интерпретации модальности в институциональных дискурсах повышенной ответственности, что имеет значение как для лингвистической теории, так и для юридической практики.

Теоретическая рамка: интегративно–уровневая модель модальности

Предлагаемая модель постулирует, что интерпретация модального выражения в военном НПА – это не просто декодирование семантики отдельного маркера, а результат последовательного и взаимовлияющего анализа информации, поступающей с четырех уровней:

1. **Лексико–грамматический уровень (Y1).** Определяет базовый семантический потенциал модального маркера (например, *must* в английском языке обычно кодирует более сильное долженствование, чем *should*; аналогично *обязан* в русском языке сильнее, чем *должен*). Этот уровень опирается на устоявшиеся в языке значения модальных глаголов, предикативов и других модальных выражений; при этом *"модусные рамки предложения задают систему координат, в которой интерпретируется модальное значение"* [Арутюнова 1988: 147]. См. также [Palmer 2001: 72–74; Bolander 2017: 52–56]. Именно здесь закладывается исходная точка для интерпретации модального значения.

2. **Жанровый уровень (Y2).** Контекстуализирует маркер в рамках институциональных ожиданий, связанных с конкретным жанром НПА. Жанр (приказ, директива, устав, закон) выступает как фрейм [Bhatia 2017: 35–38], который модулирует (усиливает или ослабляет) силу маркера, выявленную на Y1. Например, маркер *shall* в американском военном приказе интерпретируется значительно строже (как категорическое долженствование), чем тот же маркер в тексте директивы или доктринального документа. Таким образом, Y2 модулирует Y1, адаптируя его к специфике коммуникативной ситуации.

3. **Дискурсивный уровень (Y3).** Уточняет или модифицирует значение, сформированное на пересечении Y1 и Y2, через анализ локального контекста – наличие условий, оговорок, исключений, контрастных конструкций, а также аргументативных структур и риторических приемов внутри конкретного фрагмента текста [Bhatia 2017: 62–65]. Этот уровень

может как усилить, так и ослабить иллокутивную силу предписания. Например, использование условных конструкций (если..., в случае...) может ограничивать сферу действия долженствования. Следовательно, УЗ обеспечивает тонкую настройку значения (У1 + У2) в соответствии с непосредственным текстовым окружением.

4. **Эвиденциальный уровень (У4).** Оценивает и усиливает легитимность и, как следствие, иллокутивную силу нормы через наличие эксплицитных или имплицитных ссылок на авторитетные источники (имплицитная эвиденциальность, как она определена выше). Положительная эвиденциальная поддержка (например, фразы типа «в соответствии с Уставом...», «на основании приказа...») усиливает воспринимаемую иллокутивную силу предписания, зачастую независимо от силы лексического маркера (У1) или даже жанра (У2). У4, таким образом, выступает как мощный прагматический усилитель итоговой интерпретации модальности.

Итоговая интерпретация силы модальности и ее иллокутивной направленности возникает как эмерджентное свойство всей системы. Сигналы с разных уровней могут либо усиливать друг друга (конгруэнтность), приводя к однозначной и сильной модальной квалификации, либо вступать в противоречие (дисконгруэнтность), создавая потенциал для неоднозначности и требуя более сложной интерпретативной работы. Именно анализ этого динамического взаимодействия и составляет ядро предлагаемой модели.

Материалы и методы

Корпус исследования

Сопоставимый корпус русскоязычных и англоязычных военных НПА РФ и США (общим объемом 125 тыс. словоупотреблений) был сформирован для обеспечения репрезентативности и возможности проведения сравнительного анализа. Критерии отбора включали: представленность ключевых жанров военного юридического дискурса (приказы, директивы, уставы, законы, доктринальные документы), сопоставимость функций этих жанров в правовых системах РФ и США, а также актуальность материала (период 2010–2023 гг.). В корпус включены основополагающие и типичные документы, такие как Приказ МО РФ №300 (2020), Федеральный закон "О воинской обязанности..." (в ред. 2024 г.), Устав внутренней службы ВС РФ (в ред. 2024 г.), DoD Directive 5145.01 (2020), Field Manual (FM) 6-0 (2022), Title 10 U.S. Code (UCMJ) и другие релевантные приказы (ок. 20 ед.), директивы (ок. 15 ед.) и доктринальные документы указанного периода, отобранные для обеспечения жанрового и тематического баланса как внутри каждого языка, так и между языками.

Баланс корпуса: 62,5 тыс. токенов RU, 62,5 тыс. токенов EN. Жанровый баланс внутри языка: ~35% – приказы/директивы; ~40% – уставы/доктрины; ~25% – законы.

Критерии исключения: проекты НПА, неофициальные переводы, комментарии, служебная переписка, тексты до 2010 г. (кроме базовых действующих).

Методология анализа

Методология базируется на интеграции корпусных методов [McEnery, Hardie 2011: 10–13] и дискурс-анализа [Fairclough 2003; Bhatia 2017].

1. Корпусный анализ: токенизация, лемматизация (с использованием Stanford CoreNLP для английского языка и ru morphology2 для русского), составление частотных списков модальных маркеров, анализ их коллокаций и конкордансов (с помощью AntConc 4.0).

2. Дискурс-анализ: качественный анализ контекстов употребления модальных маркеров (в рамках критического дискурс-анализа и жанрового анализа); идентификация жанровых конвенций, дискурсивных стратегий, влияющих на интерпретацию модальности, и маркеров имплицитной эвиденциальности.

3. Процедура кодирования и оценка надежности: разработана детализированная схема кодирования модальных выражений. Два независимых кодировщика (лингвисты, обладающие компетенциями в области анализа юридических и военных текстов на обоих языках) аннотировали стратифицированную подвыборку (15% корпуса) для оценки степени согласия. Кодировались следующие параметры: а) модальный маркер; б) жанр НПА; в) наличие и тип эвиденциальной поддержки (ссылка на закон, устав, приказ, доктрину, отсутствие ссылки); г) воспринимаемая иллокутивная сила по 5-балльной шкале Лайкерта (1 – Разрешение/Рекомендация; 2 – Желательность/Слабое обязательство; 3 – Стандарт/Обязательство; 4 – Строгое обязательство; 5 – Категорическое долженствование). Около 15% случаев в подвыборке (примерно 30 контекстов) потребовали дополнительного обсуждения для согласования оценок кодировщиков, каждое из которых занимало в среднем 5–10 минут. Для минимизации потенциального культурного смещения при оценке иллокутивной силы в текстах на неродном языке особое внимание уделялось формальному контекстуальному и жанровым маркерам; спорные случаи межязыкового кодирования подробно обсуждались с фокусом на достижение функциональной эквивалентности оценки силы предписания в обеих системах. Критерии разрешения разногласий включали достижение консенсуса на основе детального анализа контекста, семантики маркера, жанровых конвенций и установленных правил кодирования; при невозможности консенсуса между двумя кодировщиками решение принималось третьим экспертом (автором статьи). Надежность кодирования, измеренная с помощью коэффициента Каппа Коэна, составила $\kappa \approx 0.83$, что свидетельствует о высокой степени согласия.

4. Статистический анализ: описательные статистики (частоты, средние значения); корреляционный анализ Пирсона для оценки связи между имплицитной эвиденциальностью и иллокутивной силой; тест хи-квадрат (χ^2) для оценки значимости различий в частотах и силе модальных маркеров между жанрами и юрисдикциями. Уровень статистической значимости был принят $p < 0.05$.

5. Сравнительно-сопоставительный анализ: выявление сходств и различий в стратегиях кодирования и интерпретации модальности в НПА РФ и США с учетом влияния языковых особенностей и культурно-правовых традиций [Šarčević 1997: 140–142].

Результаты

1. *Жанровая модуляция деонтической силы (Уровни 1 и 2) и ее сравнительная характеристика.* Анализ частотности и кодирования силы маркеров показал статистически значимые различия (χ^2 , $p < 0.05$) как внутри каждой языковой системы в зависимости от жанра, так и между системами РФ и США при сопоставлении аналогичных жанров.

○ В НПА США: маркер *shall* в приказах (*orders*) интерпретируется как категорическое долженствование (Уровень 5 по шкале Лайкерта) в $\approx 98\%$ случаев, тогда как в директивах (*directives*) – лишь в $\approx 82\%$ (чаще Уровень 3–4). Это указывает на то, что даже один и тот же маркер вносит разную модальную окраску в зависимости от жанра. *Must* (составляющий $\approx 29\%$ случаев долженствования) стабильно кодирует высокую степень обязательности (Уровень 4–5) во всех проанализированных жанрах, формируя последовательно строгую модальную окраску.

○ В НПА РФ: маркер *обязан* используется для категорического долженствования (Уровень 5) в $\approx 95\%$ случаев в приказах. Глагол *должен* (наиболее частотный маркер долженствования, $\approx 60\%$ всех случаев) реализует категорическое значение в $\approx 79\%$ контекстов в приказах и уставах, но может интерпретироваться слабее в директивах, что также свидетельствует о жанровой модуляции.

○ Сравнительный аспект модальной окраски: сопоставление показывает, что хотя в обеих системах приказы характеризуются наиболее сильной деонтической модальностью, выбор предпочтительных маркеров для этой цели различается (*shall/must* в США vs. *обязан/должен* в РФ). Общая модальная окраска американских приказов, за счет частого использования *shall* и *must*, может восприниматься как более унифицировано–категоричная, в то время как в российских НПА наблюдается большая вариативность в использовании *должен*, что может приводить к более нюансированной, но потенциально менее однозначной модальной окраске в некоторых контекстах вне приказов. Эти данные подтверждают мощное модулирующее влияние жанра (У2) на семантику маркера (У1) и формируемую им модальную окраску текста, а также наличие национально–специфических предпочтений.

2. *Эвиденциальное усиление иллокутивной силы (Уровень 4) в НПА РФ и США.* Корреляционный анализ по всему корпусу (включающему НПА обеих стран) показал сильную положительную и статистически значимую связь ($r = 0.76$, $p < 0.01$) между наличием имплицитной эвиденциальности (ссылки на авторитетный источник) и воспринимаемой иллокутивной силой предписания. Текстовый анализ подтверждает: предписания, эксплицитно легитимированные ссылкой на закон, устав или вышестоящий приказ (например, «В соответствии со статьей X Федерального закона...» или «Pursuant to DoD Directive Y...»), воспринимаются как более обязывающие и авторитетные, чем предписания без такой поддержки, даже при использовании лексически сильных модальных маркеров. Качественный анализ показал, что в обеих системах апелляция к авторитету является распространенной стратегией усиления модальности, хотя конкретные типы авторитетов, на которые ссылаются, могут варьироваться в зависимости от структуры правовой системы. Это свидетельствует об универсальном характере данного прагматического механизма усиления модальной окраски долженствования.

3. *Системные различия в стратегиях кодирования модальности и модальной окраске текстов: РФ vs. США.* Наблюдаются устойчивые и статистически значимые (χ^2 , $p < 0.05$) различия в предпочтениях и функционировании модальных маркеров, что формирует различную общую модальную окраску военных юридических текстов в двух странах.

○ Частотность ключевых маркеров. В российских НПА доминирует маркер *должен* ($\approx 60\%$ всех маркеров долженствования), за ним следует *обязан* ($\approx 25\%$). В американских НПА лидирует *shall* ($\approx 58\%$), за ним *must* ($\approx 29\%$) и *should* ($\approx 8\%$). Это базовое различие в лексическом наполнении уже создает предпосылки для разной модальной окраски.

○ Функционально–культурная интерпретация и результирующая модальная окраска. В российских НПА конструкция с глаголом *обязан* часто используется для маркировки персональной ответственности и четко очерченных обязанностей, что может отражать акценты романо–германской правовой традиции на статусе и обязанностях субъекта [Вольф 1985: 132]. Это придает текстам оттенок строгой, персонифицированной ответственности. В американских НПА использование *shall* и *must* отражает прескриптивный характер языка общего права и фокус на действии, которое должно или не должно быть совершено. Исторически *shall* нес в себе оттенок сильного долженствования, однако его неоднозначность в других сферах юридического языка [см. Sebenius 2019: 154; Šarčević 1997: 140] привела к тенденции к более частому использованию *must* для выражения категорического долженствования в современных американских НПА, стремящихся к большей ясности (Plain Language Movement). Тем не менее, в военных НПА *shall* сохраняет сильную позицию, особенно в приказах, что формирует модальную окраску высокой степени императивности. Различие в использовании *should* (более частотного в американских текстах для выражения рекомендации или менее строгого обязательства) также вносит вклад в дифференциацию модальной окраски по сравнению с российскими текстами, где для схожих целей могут использоваться более разнообразные конструкции или менее категоричные формы глагола *должен*.

4. *Роль дискурсивных стратегий (Уровень 3) в модуляции модальности.* Анализ показал активное использование в НПА обеих стран таких дискурсивных стратегий, как определение терминов, перечисление условий, введение исключений, указание на цель («в целях...», «для того чтобы...», «in order to...») и аргументацию («поскольку...», «в связи с...», «because...») для уточнения сферы действия модальных предписаний и управления их интерпретацией. Например, разрешение (выраженное через *may* или *может*) часто сопровождается детальным списком условий, ограничивающих его применение, что является общей чертой для НПА обеих юрисдикций. Таким образом, дискурсивный уровень (У3) используется для операционализации и контекстуализации модальных норм, позволяя точно настраивать их иллокутивную силу и сферу применения.

5. *Взаимодействие уровней и эмерджентность модальной интерпретации (иллюстративные примеры).*

○ Пример синергии (РФ): «Командир (должностное лицо) обязан¹ обеспечить выполнение приказа в установленный срок в соответствии с требованиями Устава внутренней службы ВС РФ⁴...» (из текста Приказа МО РФ²). Здесь: сильный лексический маркер (У1), сильный жанр (У2), прямая эвиденциальная поддержка (У4) – все уровни работают на усиление, приводя к максимальной деонтической силе (Сила5).

○ Пример синергии (США): «*All personnel shall¹ comply with the procedures outlined in Annex A⁴ of this Order²...*» (из текста приказа DoD). Здесь: маркер *shall* в жанре приказа (У1+У2) подкреплен ссылкой на конкретный документ (У4), что также ведет к категорическому долженствованию (Сила5).

○ Пример модуляции (США): «*Personnel shall¹ normally report any suspected violations through their chain of command. However, alternative reporting channels may¹ be used if³ there is a reasonable belief that reporting through the chain of command would be futile or result in reprisal...*» (из текста Директивы DoD²). Здесь: начальное долженствование, выраженное *shall* (У1) в жанре директивы (У2), модулируется (ослабляется) дискурсивными стратегиями (У3) – введением оговорки *normally* и альтернативного варианта с *may* – что снижает итоговую силу до Уровня3–4.

○ Пример потенциальной неоднозначности (РФ): «*Подразделения должны¹ обеспечивать взаимодействие с приданными силами и средствами³...*» (из текста Директивы МО РФ²) без явной эвиденциальной поддержки (У4) или дальнейших уточнений. Такая формулировка может интерпретироваться как описание стандартной процедуры или ожидаемого поведения (Сила3), а не как категорический приказ (Сила5), особенно если контекст не указывает на чрезвычайные обстоятельства.

Обсуждение

Сопоставление с предыдущими исследованиями и теоретические импликации

Результаты исследования подтверждают динамическую природу модальности, отмечавшуюся в работах, где «шкала деонтической модальности простирается от категорического запрета до слабой рекомендации, образуя continuum значений» [Бондарко 1990: 223], и [Nuyts 2006: 40–45], а также ключевую роль жанра в формировании значения в профессиональных дискурсах [Bhatia 2017: 35–38]. Предложенная интегративно–уровневая модель развивает идеи, заложенные в работах [Bolander 2017: 80–83], предлагая более структурированный подход к анализу взаимодействия разноуровневых факторов и вводя специфическую трактовку имплицитной эвиденциальности как механизма легитимации. Теоретически, модель демонстрирует, что модальность в институциональном дискурсе является не столько семантической, сколько сложной прагматической конструкцией, эмерджентным свойством дискурса. Полученные данные о различиях в модальной окраске НПА РФ и США также вносят вклад в сравнительную юрислингвистику и дискурс–анализ, показывая, как культурно–правовые традиции [Šarčević 1997] и языковые системы формируют специфические способы выражения долженствования, учитывая, что «национально–культурные особенности проявляются в предпочтении тех или иных способов выражения модальных значений» [Вольф 1985: 132]. Модель может быть полезна для анализа юридических коллизий, возникающих из–за различной интерпретации модальности, например при оспаривании приказов или оценке правомерности действий в международном военном сотрудничестве.

Сравнительная характеристика модальной окраски военных НПА РФ и США на основе интегративно–уровневой модели
Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии как общих черт, так и системных различий в модальной окраске военных НПА России и США. Общие черты: в обеих системах наиболее сильная деонтическая модальность характерна для жанра приказа. И в РФ, и в США активно используется механизм имплицитной эвиденциальности для усиления иллокутивной силы предписаний, а также дискурсивные стратегии для ее уточнения и модуляции.

Р а з л и ч и я:

- Лексическое наполнение: американские НПА демонстрируют более четкое распределение функций между *shall* (традиционно сильное долженствование в формальных документах, особенно приказах) и *must* (категорическое долженствование, часто используемое для ясности), а также *should* (рекомендация, ожидание). В российских НПА наблюдается большая нагрузка на глагол *должен*, который покрывает широкий спектр модальных значений, что компенсируется использованием более категоричного *обязан*. Это приводит к тому, что модальная окраска американских текстов может восприниматься как более градуированная за счет четче разграниченных маркеров.

- Степень эксплицитности и категоричности: приказы в обеих системах стремятся к максимальной категоричности. Однако в других жанрах (например, директивах, доктринах) модальная окраска может различаться. Американские тексты, следуя тенденции Plain Language, могут чаще стремиться к использованию *must* для однозначного долженствования, в то время как российские тексты могут сохранять более широкое поле для интерпретации *должен* в зависимости от контекста.

- Влияние правовых традиций: как отмечалось, фокус на персональной ответственности в РФ (через *обязан*) и на презскриптивности действия в США (*shall/must*) также вносит свою лепту в различную модальную окраску.

Таким образом, предложенная интегративно–уровневая модель позволяет не просто констатировать эти различия, но и объяснить их через взаимодействие факторов на лексико–грамматическом, жанровом, дискурсивном и эвиденциальном уровнях.

Практические приложения модели

1. Совершенствование юридической техники. Рекомендации:

- а) для категоричности: *must/обязан* + эвиденциальность;
- б) разграничивать *must/обязан* (обязательства) и *should/должен* (стандарты);
- в) избегать неоднозначного *shall* вне приказов;
- г) указывать условия для *may/может*.

2. Повышение точности юридического перевода: недооценка иллокутивной силы может приводить к проблемам. Кейс 1: неверный перевод *should* в стандарте НАТО как строгого *должен* вместо *следует* может привести к избыточному расходованию ресурсов. Кейс 2: перевод русского приказа с *должен* американским эквивалентом *should* может привести к невыполнению приказа. Алгоритм (Маркер → Жанр → Дискурс → Эвиденциальность → Эквивалент) помогает избежать ошибок.

3. Лингвистическая экспертиза НПА. Критерии оценки:

- а) конгруэнтность сигналов;
- б) четкость условий (У3);

- в) адекватность маркеров (У1);
г) наличие эвиденциальности (У4).

Ограничения исследования

Объем корпуса; оценка силы лингвистами, а не юристами–практиками – хотя лингвистический анализ фокусируется на формальных маркерах силы, юридическая практика может привносить дополнительные интерпретационные конвенции, не полностью учтенные в данном исследовании; возможная субъективность кодировщиков; потенциальные трудности полной нейтрализации культурных различий; описательный/корреляционный характер стат. анализа; предположительный характер выводов о «военной культуре».

Заключение

Разработана и эмпирически апробирована интегративно–уровневая модель анализа модальности в военном юридическом дискурсе, позволившая выявить как универсальные механизмы формирования модальных значений, так и специфику их реализации и результирующей модальной окраски текстов в НПА Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Доказано, что интерпретация модальности детерминирована системным эффектом взаимодействия четырех уровней: лексико–грамматического, жанрового, дискурсивного и эвиденциального. Модель преодолевает ограничения предыдущих подходов ([Bhatia 2017], [Bolander 2017]) за счет системного описания взаимодействия уровней и операционализации имплицитной эвиденциальности как прагматического механизма легитимации.

Основные выводы:

- 1) модальность в военном юридическом дискурсе – динамический, многофакторный феномен;
- 2) жанр и имплицитная эвиденциальность выступают мощными модуляторами иллокутивной силы и модальной окраски;
- 3) существуют системные межъязыковые и межкультурные различия в стратегиях кодирования модальности и результирующей модальной окраске НПА РФ и США;
- 4) предложенная модель является адекватным инструментом для анализа и сравнения модальности в институциональных дискурсах.

Модель вносит вклад в теорию модальности, юрислингвистику [Gotti 2005: 61–64] и сравнительный дискурс–анализ. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования для совершенствования юридической техники, повышения точности юридического перевода и проведения лингвистической экспертизы НПА.

Перспективы дальнейших исследований

Расширение корпуса (включение НПА НАТО, таких как STANAGs и Allied Joint Publications (AJP), а также НПА других стран). Углубление методологии (применение многоуровневого (иерархического) регрессионного моделирования для оценки вклада каждого фактора и их взаимодействий). Изучение диахронии [McEnery, Hardie 2011]. Апробация модели на других типах институциональных дискурсов (авиационные правила, медицинские протоколы) и на материале других языков. Разработка автоматизированных инструментов (например, классификаторов на основе архитектур типа BERT для автоматического определения иллокутивной силы модальных конструкций с учетом контекста).

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Кузнецова М. Н. Проблемы интерпретации военных юридических текстов / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 10–2. – С. 124–128. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47185311>
- Петрова А. В. Модальные глаголы в военных юридических текстах / Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 49. – С. 102–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnye-glagoły-v-voennyh-yuridicheskikh-tekstah>
- Петрова Е. С. Модальность в англоязычном юридическом дискурсе. М., 2018.
- Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22.06.2020г. №300 «Об утверждении Правил ношения военной формы одежды...». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007240030>
- Сидорова О. В. К вопросу о функционировании модальности в текстах военных приказов / Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 4. – С. 264–267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionirovanii-modalnosti-v-tekstah-voennyh-prikazov>
- Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 №1495) (в ред. от 25.03.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102118916>
- Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 №53-ФЗ (ред. от 23.03.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102052946>
- Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. 2nd ed. London, 2017.
- Bolander A. M. Modality in Legal Texts: A Corpus-Based Study of English and Swedish Legislation. Berlin, 2017.
- Department of Defense Directive 5145.01. Under Secretary of Defense for Policy (USD(P)). October 20, 2020. URL: <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/514501p.pdf>
- Department of the Army. Field Manual (FM) 6–0, Commander and Staff Organization and Operations. May 2022. URL: https://armypubs.army.mil/epubs/DR_pubs/DR_a/ARN35031-FM_6-0-000-WEB-1.pdf
- Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, 2003.

- Gotti M. Investigating Specialized Discourse. Bern, 2005.
- Hiltunen R. Chapters on Legal English: Aspects Past and Present of the Language of the Law. Helsinki, 1990.
- McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge, 2011.
- NATO Joint Analysis and Lessons Learned Centre (JALLC). JALLC Explorer / Vol. 1, Issue 1. Monsanto, Portugal, 2017. URL: <https://nllp.jallc.nato.int/IKS/Sharing%20Public/JALLC%20Explorer%20Volume%201%20Issue%201.pdf>
- Nuyts J. Modality: A Categorization and a Bibliography / Handbook of Pragmatics / Ed. by J.Verschueren, J.-O.Östman, J.Blommaert, C.Bulcaen. Amsterdam; Philadelphia, 2006. P.1–114 (loose-leaf).
- Palmer F. R. Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge, 2001.
- Šarčević S. New Approach to Legal Translation. The Hague, 1997.
- Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
- Sebenius J. M. The Challenges of Plain Language Drafting in Military Law / The International Journal of Legal Information. – 2019. – Vol.47, №2. – P.147–163. URL: <https://doi.org/10.1017/jli.2019.19>
- Title 10, U.S. Code, Subtitle A, Part II, Chapter 47 – Uniform Code of Military Justice. URL: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title10/subtitleA/part2/chapter47&edition=prelim>
- Trosborg A. Statutes and contracts: An analysis of legal speech acts in the English language of the law / Journal of Pragmatics. – 1995. – Vol.23, №1. – P.31–53. URL: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)00028-m](https://doi.org/10.1016/0378-2166(94)00028-m)

References

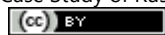
- Aikhenvald, A. Y. (2004). Evidentiality. Oxford.
- Arutyunova, N. D. (1988). Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow (in Russian).
- Bhatia, V. K. (2017). Analysing Genre: Language Use in Professional Settings (2nd ed.). London.
- Bolander, A. M. (2017). Modality in Legal Texts: A Corpus-Based Study of English and Swedish Legislation. Berlin.
- Bondarko, A. V. (1990). Theory of functional grammar: Temporality. Modality. Leningrad (in Russian).
- Department of Defense Directive 5145.01. (2020). Under Secretary of Defense for Policy (USD(P)). October 20, 2020. Available from: <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/514501p.pdf>
- Department of the Army. (2022). Field Manual (FM) 6–0, Commander and Staff Organization and Operations. May 2022. Available from: https://armypubs.army.mil/epubs/DR_pubs/DR_a/ARN35031-FM_6-0-000-WEB-1.pdf
- Fairclough, N. (2003). Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London.
- Federal Law "On Military Duty and Military Service" of March 28, 1998 N 53-FZ (as amended on March 23, 2024). Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102052946> (in Russian).
- Gotti, M. (2005). Investigating Specialized Discourse. Bern.
- Hiltunen, R. (1990). Chapters on Legal English: Aspects Past and Present of the Language of the Law. Helsinki.
- Internal Service Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1495 of November 10, 2007) (as amended on March 25, 2024). Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102118916> (in Russian).
- Kuznetsova, M. N. (2021). Problems of Interpretation of Military Legal Texts. Actual Problems of Humanities and Natural Sciences, 10(2), 124–128. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47185311> (in Russian).
- McEnery, T., & Hardie, A. (2011). Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge.
- NATO Joint Analysis and Lessons Learned Centre (JALLC). (2017). JALLC Explorer. Vol. 1, Issue 1. Monsanto, Portugal, JALLC. Available from: <https://nllp.jallc.nato.int/IKS/Sharing%20Public/JALLC%20Explorer%20Volume%201%20Issue%201.pdf>
- Nuyts, J. (2006). Modality: A Categorization and a Bibliography. In Handbook of Pragmatics (pp.1–114). J.Verschueren, J.-O.Östman, J.Blommaert, C.Bulcaen (Eds.). Amsterdam; Philadelphia (loose-leaf).
- Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 300 of June 22, 2020. "On the Approval of the Rules for Wearing Military Uniform...". Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007240030> (in Russian).
- Palmer, F. R. (2001). Mood and Modality (2nd ed.). Cambridge.
- Petrova, A. V. (2019). Modal Verbs in Military Legal Texts. Bulletin of Tomsk State University. Philology, 49, 102–108. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnye-glagoly-v-voennyh-yuridicheskikh-tekstah> (in Russian).
- Petrova, E. S. (2018). Modality in English Legal Discourse. Moscow (in Russian).
- Šarčević, S. (1997). New Approach to Legal Translation. The Hague.
- Searle, J. R. (1969). Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge.
- Sebenius, J. M. (2019). The Challenges of Plain Language Drafting in Military Law. The International Journal of Legal Information, 47(2), 147–163. Available from: <https://doi.org/10.1017/jli.2019.19>
- Sidorova, O. V. (2020). On the functioning of modality in the texts of military orders. Bulletin of Economic Security, 4, 264–267. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionirovanii-modalnosti-v-tekstah-voennyh-prikazov> (in Russian).
- Title 10, U.S. Code, Subtitle A, Part II, Chapter 47 – Uniform Code of Military Justice. Available from: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title10/subtitleA/part2/chapter47&edition=prelim>
- Trosborg, A. (1995). Statutes and contracts: An analysis of legal speech acts in the English language of the law. Journal of Pragmatics, 23(1), 31–53. Available from: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)00028-m](https://doi.org/10.1016/0378-2166(94)00028-m)
- Vol'f, E. M. (1985). Functional semantics of evaluation. Moscow (in Russian).

Citation:

Малкова Н. В. Интегративно-уровневая модель модальности в военном юридическом дискурсе: механизмы взаимодействия языковых и

институциональных факторов (на материале НПА РФ и США) // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 7-15.

Malkova N. V. (2025) Integrative Level Model of Modality in Military Legal Discourse: Interaction Mechanisms of Linguistic and Institutional Factors (Case Study of Russian and US Normative Legal Acts). *Legal Linguistics*, 37, 7-15.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
